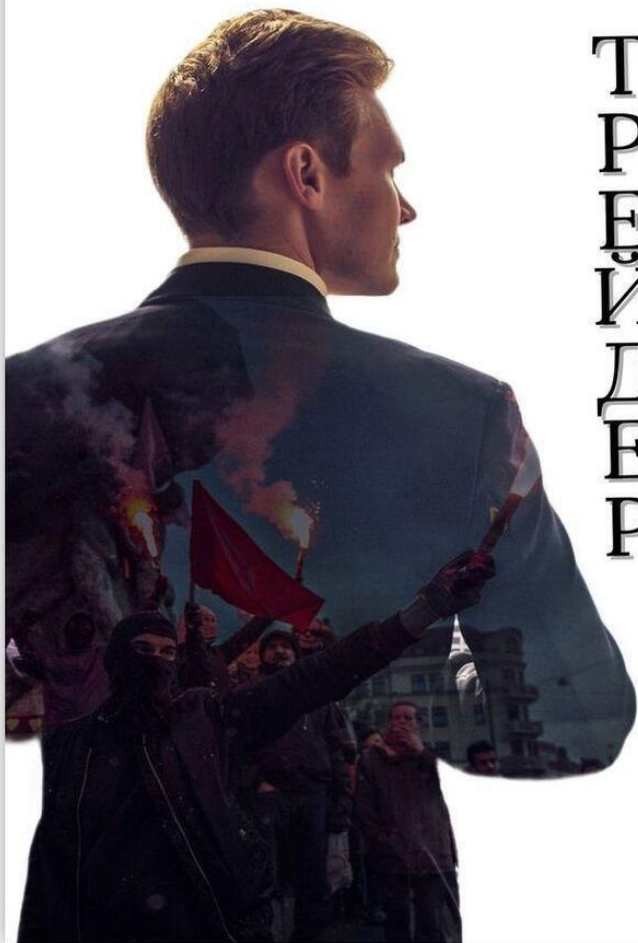

18+ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОМАН
ДМИТРИЙ ГЕРЕГ

Т
Р
Е
Й
Д
Е
Р

Дмитрий Герег Треjder

<https://litres.ru/74291847>

ISBN 9785006974456

Аннотация

Треjder. Книга вторая. После событий, потрясших Европу, мир вступает в новую эпоху глобального противостояния. Антонио Моретти вновь оказывается в самом центре большой игры. Между США и Китаем разгорается масштабная торговая война, и Антонио невольно втягивается в этот опасный конфликт. Теперь перед ним стоит непростой выбор: поддержать одну из сверхдержав или рискнуть всем, попытавшись разыграть собственную партию. Любой шаг может изменить расстановку сил, а цена ошибки смертельно высока.

Содержание

Глава I	5
ГАМБИТ	5
Глава II	21
БРЕКЗИТ	21
Глава III	39
ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ	39
Глава IV	65
РЕФЕРЕНДУМ	65
Глава V	82
СРЕДНИЙ КЛАСС	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Треjder

Дмитрий Герег

© Дмитрий Герег, 2026

ISBN 978-5-0069-7445-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

ГАМБИТ

Количество заражений, госпитализаций и, к сожалению, смертей продолжает неуклонно расти. Фондовые рынки по всему миру стремительно падают: коронавирус разрушает жизни людей и подрывает глобальную экономику. В попытке сдержать распространение вируса Китай закрывает целые города, а для контроля передвижения граждан использует мобильные приложения, дроны и системы видеонаблюдения. А что же Европа? Ещё недавно на вопрос о коронавирусе там отвечали: «Всё под полным контролем». Теперь реальность иная. Германия вслед за Италией, Францией и Испанией вводит всеобщий локдаун, в то время как в Англии закрываются рестораны и пабы. Число жертв по всему миру продолжает расти. Сокращение добычи нефти призвано сдержать обвал цен на сырьё, вызванный пандемией и масштабными потерями мирового бизнеса. Тем временем количество заболевших увеличивается с каждым днём. Коронавирус уже выявлен более чем у пяти тысяч человек, и ожидается дальнейший рост числа заражённых. Мир изменился — из эпохи относительной стабильности мы вступили в эпоху неопределённости.

Четырьмя годами ранее...

Первый ход озадачил Джея Моргана: с1—с4. Он не сразу поднял глаза. Сначала посмотрел на доску, затем на руку соперника, уже спокойно отведённую в сторону. На мгновение в кабинете повисла тишина. В шахматах всё обычно начиналось просто: либо белые сразу бросали вперёд королевскую пешку, выбирая путь резкой, беспощадной борьбы, где одна ошибка могла перечеркнуть всю партию, либо предпочитали более осторожное продвижение ферзевой пешки — медленное наращивание давления, ожидание, пока противники выведут все силы и затем схлестнутся по-настоящему.

Архитектор был известен превосходным расчётом вариантов и почти всегда начинал партию ходом е2—е4. Однако на этот раз он избрал дебют, известный как английское начало. Чаще всего партии, начатые таким образом, впоследствии переходят в русло дебютов ферзевой пешки. Нередко шахматисты выбирают английское начало именно для того, чтобы ввести соперника в заблуждение уже в дебюте.

Морган почувствовал лёгкое раздражение. Если бы Архитектор сразу сыграл d2—d4, можно было бы выбрать одну из знакомых защит, выстроить прочный порядок ходов. Но теперь приходилось действовать почти вслепую. Пешка на с4 уже начала своё тихое дело, подбираясь к центру и беря под контроль поле d5. Ничего резкого, ничего угрожающего — и именно в этом крылась опасность. За этим ходом легко угадывался дальнейший план: королевский слон, спря-

танный в фианкетто после g2—g3, будет смотреть через всю диагональ; конь выйдет на c3 и присоединится к давлению. Медленно, методично, без лишнего шума. Морган откинулся на спинку стула и задержал взгляд на доске чуть дольше, чем следовало. Оправившись от короткого изумления, он избирает свою излюбленную защиту — отказанный ферзевый гамбит. Морган намерен бороться за контроль над полем d5 и впоследствии, если представится возможность, провести d7—d5, утвердив центральную пешку на этом поле. Так он обеспечит себе надёжную позицию и одновременно напомним белым, что важное поле e4 находится под его контролем.

— Два игрока, — тихо говорит Архитектор, делая ход белыми. — Две стратегии. Два войска. И всегда один победитель.

Фигура занимает своё место с едва слышным щелчком. В наступившей тишине этот звук кажется непозволительно громким.

— Долгое время шахматы оставались привилегией знатных и богатых. В них играли Карл Великий и Наполеон Бонапарт, Спиноза и кардинал Ришелье. Правители империй и королевств видели в шахматах школу стратегического мышления — тренировку способности предугадывать действия противника на поле боя. Пятнадцать веков, — продолжает Архитектор ровным, почти дружелюбным тоном, не глядя на Моргана. И именно это раздражает сильнее всего.

Джей следит за доской — за тенями фигур, за возмож-

ными линиями атаки. Всё выглядит устойчиво. Слишком устойчиво.

— Социальное положение всегда определяло стиль игры, — говорит Архитектор. — Наполеон и Карл XII не делали рокировку. Считали, что королю недостойно прятаться.

Небольшая пауза.

— Они проигрывали. Регулярно.

Ещё мгновение тишины.

— Гордость — плохая стратегия, если ты не готов оплатить её последствия.

Архитектор наконец поднимает взгляд. Он пронзительный, спокойный, почти вежливый. Джей Морган чувствует, как холод медленно поднимается от груди к горлу. Он делает выбор в пользу своей любимой защиты, не пытаясь использовать главный недостаток английского начала — возможность ответа $e7—e5$, который с точки зрения базовых шахматных принципов считается оптимальным для чёрных. В этом случае возникает сицилианская защита с переменой цвета. После $e7—e5$ чёрные сразу получают шанс бороться за инициативу, опираясь на активное развитие фигур. Игра мгновенно обостряется. Чёрные формируют центр пешкой $d5$, создавая прочную платформу для дальнейшего развития. Однако пешка на $e6$ запирает слона $c8$, и для гармоничной расстановки сил чёрным предстоит решить задачу его активизации.

Взгляд старика пронзает шахматную доску, словно он ви-

дит не только фигуры, но и все возможные последствия их ходов в этой тихой войне. Его глаза улавливают хитрость и ловушки; в них отражаются годы опыта и стратегической мудрости. Он предугадывает каждый ход противника и готовит ответ заранее. В этой спокойной шахматной битве он находит радость не просто в игре, а в контроле, мастерстве и влиянии, видя в каждом ходе отражение собственной силы и разума.

Архитектор — старый властитель финансового мира, чей взгляд пронзает общественные потрясения и финансовые кризисы. Управляя потоками капитала, он словно дирижёр виртуозного оркестра, уверенно ведущий каждый инструмент. Его слова становятся законами, решения — точными предсказаниями будущего. В его руках деньги превращаются из средства обмена в инструмент создания целой симфонии — симфонии процветания и стабильности, хаоса и кризиса.

Противники вступили на путь ферзевого гамбита, хотя дебют ещё не завершён и окончательная структура позиции остаётся неопределённой. Главный принцип шахматной партии — концентрация фигур и пешек в центре доски. Белые готовы развить слона с поля f1 с последующей короткой рокировкой, чтобы обезопасить своего короля. Этот план является ключевым элементом их дебютной стратегии. Белые стремятся укрепить пешку на d4 и защитить пешку на c4. При выводе слона с c1 их цель не обязательно заключается в размене на коня f6; на самом деле ход продиктован нежела-

нием «запереть» слона после e2—e3. Теперь перед белыми встаёт дилемма: разменять слона или отступить?

Опытные гроссмейстеры прекрасно понимают ценность двух слонов, действующих бок о бок, и обычно не спешат расставаться с ними. В подобных позициях чаще выбирают отступление. С точки зрения чёрных ситуация выглядит вполне благоприятной. Они играют h7—h6 с темпом, атакуя белого слона. Если слон отступит, пешка окажется на h6 — и ход h7—h6 для чёрных не окажется потраченным впустую. В результате чёрные больше не опасаются возможного мата по восьмой горизонтали, который мог возникнуть после размена пешек и открытия линий для ладей. Такой ход пешкой перед королём, как говорят в шахматном сленге, создаёт «форточку». Это означает, что король получает поле для отступления в случае шаха по последней горизонтали. Теперь чёрный король «дышит» свободнее. В напряжённом миттельшпиле каждый темп имеет значение. Наличие «форточки» даёт чёрному королю дополнительную уверенность и позволяет действовать спокойнее, точнее прогнозируя дальнейшее развитие партии.

— На протяжении многих десятилетий мы обогащали зарубежную промышленность за счёт американской, субсидировали армии других стран, допуская при этом печальное истощение собственных вооружённых сил. Америка пришла в упадок. Мы сделали другие страны богатыми, тогда как богатство, сила и уверенность нашей страны оказались под

сомнением. Один за другим заводы закрывались и покидали наши берега, не думая о миллионах американских рабочих, оставшихся без работы. Глобализация оказалась выгоднее Китаю, чем остальному миру. Мы должны защищать наши границы от разрушительного влияния Китая — от попыток копировать нашу продукцию, красть наши компании и уничтожать рабочие места.

— Вы хотите положить конец Кимерике? — спросил Джей, предугадав ход мыслей Архитектора.

— Кимерика — твоё детище, — хладнокровно заметил Архитектор. — Кому, как не тебе, повернуть этот процесс вспять.

Стратегические приоритеты позиции определяются пешечной структурой. У белых пешечное большинство на королевском фланге, у черных — на ферзевом. Воспользоваться этим преимуществом можно, только продвигая пешки. Однако белые не хотят двигать пешки рядом с королем, чтобы не ослабить его защиту. Следовательно, план по использованию пешечного преимущества придется отложить на будущее. Вместо этого белым следует сосредоточиться на сдерживании действий черных на ферзевом фланге — максимально затруднить продвижение их пешек. Фиксированные и заблокированные пешки легко превращаются в удобные мишени для атаки. Без преувеличения можно сказать: тот, кто добьется преимущества на ферзевом фланге, скорее всего, выиграет партию. Ключевой вопрос заключается

в том, какую стратегию выберет Архитектор, чтобы нейтрализовать инициативу черных на ферзевом фланге.

— Из всех ошибок, допущенных теми, кому доверили быть хранителями Запада, эта, без сомнения, оказалась самой фатальной. Неужели вы всерьёз полагали, что сможете «приручить» Китай? Вы наивно верили, что рыночные силы, которые должны были проникнуть в китайскую систему с приходом глобализации, окажутся настолько мощными, что смогут свергнуть диктатуру — как это произошло с Кремлём. На что вы рассчитывали? На стихийное и массовое восстание сотен миллионов восторженных потребителей «Макдоналдса» и поклонников «Кока-Колы»? Свобода мысли и действий, позволяющая человеку стать личностью, способной воплощать экономические теории в жизнь, возможна только в демократическом обществе. Нельзя проповедовать свободную торговлю и свободное предпринимательство и одновременно отдавать судьбу мировой производственной системы в руки подданных диктатуры. Подданные — не граждане: они не избиратели и, главное, несвободны. Именно поэтому они не могут действовать по законам свободного рынка. Они будут подчиняться тем правилам, которые навязывает им Коммунистическая партия Китая, и уж точно не законам рынка. Сотни миллионов китайских рабочих, которые со временем могли бы сформировать средний класс, не совершают добродетельного «свободного выбора», вознаграждающего за лучшие решения с точки зрения каче-

ства и цены. Они покупают то, что им позволяет покупать партия.

Белые делают естественный развивающий ход. Ладья выходит на полуоткрытую линию, по которой оказывает давление на пешку с7. У этого хода есть и недостаток — белый король по-прежнему находится в центре. К счастью для него, силы черных на ферзевом фланге пока не развиты. Если бы их фигуры уже были выведены, можно не сомневаться, что белый король поспешил бы рокироваться на короткую сторону. Черным же предстоит решить, что делать со слоном с8: fianкеттировать его или вывести в центр.

— Китай должен объявить 11 декабря национальным праздником, — с ещё большим раздражением продолжил Архитектор, сделав ход белыми. — В тот день, в 2001 году, Китай вступил во Всемирную торговую организацию. Это был поистине триумфальный выход. Китайцев приняли без каких-либо условий. Их даже не попросили привести трудовое законодательство в соответствие с системой норм, прав и социальной защиты, которых западные рабочие добивались десятилетиями профсоюзной борьбы. Им даже не посоветовали сократить загрязнение окружающей среды легкой и тяжелой промышленностью, ограничить выбросы углекислого газа в атмосферу или соблюдать международные авторские права и защиту товарных знаков. Их даже не попросили воздержаться от использования токсичных красителей в детских товарах — игрушках, пижамах. И самое главное

— китайцам даже не предложили предоставить своим гражданам хотя бы подобие гражданских прав, жалкий кусочек демократии. Внезапно появился новый континент. Богатый, стремительно развивающийся. Самодостаточный. Кимерика — таков его флаг: четыре звезды красного пекинского знамени рядом со звездами и полосами американского флага. Какой стыд!

Черные решают, что настал момент воспользоваться своим пешечным преимуществом на ферзевом фланге. Если они не сделают этого сейчас, белые перехватят инициативу, закрепив контроль над линией «с». На лице Джея Моргана читается легкое волнение. Его мимика едва заметна, но она проявляется каждый раз, когда он следит за ходом соперника или медленно обводит взглядом доску. Иногда он задумчиво касается подбородка, иногда машинально перебирает пальцами волосы, погружаясь в расчет вариантов. Его руки то и дело поднимаются, чтобы передвинуть фигуру, а затем снова ложатся на стол — в ритме сосредоточенной, напряженной игры.

— Идея казалась нам вполне разумной, — начал Джей Морган, занимая оборонительную позицию. — Огромный поток инвестиций из США в китайскую экономику превратил КНР в крупнейшего производителя товаров для американского рынка, а вырученные средства возвращались обратно — вкладывались в американские долговые обязательства. Мы думали, что, устранив все препятствия для конку-

ренции и позволив свободному рынку творить чудеса, выиграют все. Как потребители, мы сэкономили огромные деньги на телевизорах, мобильных телефонах, видеомагнитофонах и компьютерах. Брюки, спортивные костюмы, кофты — всё, что мы покупаем, и прочая ерунда, которую мы позволяем производить китайцам. В конце концов, в Китае проживает более миллиарда человек, и они готовы работать за миску риса. Масштабы этой взаимозависимости росли годами и достигли сотен миллиардов долларов. Мы извлекли из этого немалую выгоду — и продолжаем извлекать. Это по-прежнему беспроигрышная сделка, и многие до сих пор зарабатывают благодаря Кимерике. Пакт, выгодный обеим сторонам. Выигрышный гамбит.

— Прогрышный гамбит! — резко парирует Архитектор.

Интересно наблюдать, как эпицентр борьбы постепенно смещается на ферзевый фланг, где сосредоточены основные силы обеих сторон. Однако истинную оценку позиции дает анализ пешечного большинства черных на этом фланге: сила это или слабость? Выгодно ли оно черным? Ход Архитектора оказывается гораздо более тонким, чем кажется на первый взгляд. Если идея размена слона на коня столь привлекательна, почему бы черным не задать слону вопрос ходом а7—а6, заставив его отступить? Почему бы и нет? Но замысел белых заключается в том, что после хода а7—а6 пешка займет белое поле, и белый слон получит возможность атаковать ее.

В истории шахмат было немало споров о плюсах и минусах висячих пешек. Однако все эти дискуссии по сути своей бесплодны: пешки слабы, если их можно атаковать и вынудить продвигаться вперед; сильны же они тогда, когда могут оставаться на месте под надежной защитой. Контурь нового сражения уже обозначились. Пешки ферзевого фланга устремились в бой. Белые стремятся вынудить одну из двух пешек сделать шаг вперед, чтобы освободить незащищенные поля для своих фигур. А вот черные будут изо всех сил стараться удержать пешки на месте.

Настал решающий момент: белые укрывают своего короля за защитной пешечной стеной и готовятся сыграть f1—d1, нацеливаясь на обе висячие пешки, чтобы заставить одну из них продвинуться. Черный ферзь остается под неприятным прессингом на диагонали a3—f8. Фигуры черных бессильны помешать проникновению противника. Их единственная надежда — на ошибку белых. Стремясь повесить шансы на контригру, черные пытаются создать хотя бы видимость угрозы. Но, лишая соперника возможности действовать, белые демонстрируют полное превосходство. Архитектор не торопится с решающей атакой и сначала расставляет фигуры на максимально выгодных позициях. Черные продолжают выжидать, стараясь прикрыть свои слабые места до начала активных действий белых.

Пешечный щит рушится, и король черных остается без защиты. Белые берут пешку f6 и угрожают взять h6 с шахом,

окончательно оголяя черного монарха. Пешку на h6 защитить невозможно. Джей Морган надеется использовать ладьи для обороны по вертикали g, но Архитектор реагирует мгновенно. Вскоре черный ферзь оказывается в безвыходном положении. Ладьи уже не могут помочь осажденному королю. Чтобы продлить сопротивление, король вынужден покинуть диагональ c4—g8, но это лишь отсрочивает неизбежное. Финальный аккорд — шах Архитектора: мат на следующем ходу неизбежен.

— Я понимаю ваше негодование, но как быть с «Тридцатым этажом» и всеми сторонниками концепций «Большой двойки» и «Китамерики»? — осторожно поинтересовался Джей Морган. — Демократы уверенно держатся у власти, ведомые своими покровителями. Они не собираются так просто сдаваться и будут всячески препятствовать. Могу ли я быть уверен, что, участвуя в вашем походе против Китая, мы не окажемся в заведомо проигрышном положении?

— Оппозиция окажется бессмысленной. С самого начала глобализацию представляли как благотворный и неотвратимый исторический процесс, призванный принести процветание и справедливость во все уголки Земли. В экономике она обещала миру практическое воплощение того, к чему давно стремилась теория свободного рынка: открытие мировой торговли, отмену акцизов, тарифов и торговых барьеров, полную свободу движения капитала, услуг и даже людей — иными словами, свободу. А вместе с ней — деньги.

Сегодня нам остаётся лишь любезно и снисходительно объяснить: те транснациональные корпорации, которые щедро платили за распространение этих оптимистических сказок по всему Западу, изначально преследовали совершенно другую цель. Их план был прост: спровоцировать кровавую конкуренцию среди малого бизнеса, уничтожив тысячи предприятий и миллионы рабочих мест, ради одной-единственной цели — заработать, при этом избавив миллиард китайцев от нищеты. Игнорировать растущее влияние Китая в мировой экономике уже невозможно. Что касается демократов, то об этом я позабочусь. Скоро на сцену выйдет новая администрация во главе с избранным сорок пятым президентом с лозунгом «Покупайте американское, нанимайте американцев». Актёры тщательно подобраны, роли распределены, спектакль начинается.

— Какова моя роль во всём этом?

— Необходимо не допустить усиления позиций Китая в Европе. Великобритания выходит из Евросоюза, и ее лихорадит. В то же время Китай стремится получить стратегическое преимущество, расширяя свое экономическое влияние в стране, особенно в сфере промышленности и энергетики. Если под контроль Китая попадет критически важная национальная инфраструктура, включая атомные электростанции, университеты и технологические компании, Великобритания рискует утратить часть своего суверенитета.

Зловещая ухмылка скользнула по лицу Джея Моргана,

словно грязный след на чистом холсте. Уголки его губ приподнялись, выдавая искаженное удовлетворение, а глаза — две темные искры — сверкнули в предвкушении тайных планов. Джей Морган был одним из немногих, кто умел извлекать выгоду и из глобализации, и из краха Lehman Brothers. Как и любой другой кризис, он стал огромной возможностью для людей его профессии — краткосрочных спекулянтов и стратегов, играющих в долгую.

Самый быстрый путь к крупной прибыли — волатильность рынка. На обвалах и последующем восстановлении можно заработать миллиарды. Джей умел создавать и строить, но истинная страсть его души заключалась в разрушении и хаосе. Обычно холодные и рассудительные глаза вспыхнули зловещим блеском, когда на горизонте замаячил новый вызов. Эта ухмылка стала печатью его тёмной сущности — знаком коварства и безжалостного мастерства, скрывающегося за маской человека.

— Лучше управляемый конфликт сегодня, чем неконтролируемый крах завтра. У тебя не должно быть ни малейших сомнений: мы не разрушаем мир. Вместе мы спасаем его от более страшного будущего. Мой закат близок, и власть все равно придется кому-то передать. Прояви себя в этом деле — и я все устрою. Все, что ты делал раньше, покажется мелочью по сравнению с теми полномочиями, которые ты получишь. Люди думают, что управляют рынками. На самом деле управлять ими будешь ты.

В мире шахмат, где каждое движение подчинено стратегии и тактике, гамбиты — это дерзкие и рискованные решения, призванные изменить ход игры в свою пользу. Гамбит — это не просто предложение разменять фигуры, а тщательно просчитанная жертва или атака, направленная на получение преимущества в будущем. Решаясь на гамбит, шахматист временно отказывается в какой-то степени от материальных или позиционных выгод, предоставляя сопернику видимое преимущество. Но истинная цель гамбита — создать нестабильность в позиции противника, оказать на него давление и вынудить его совершить ошибку. Гамбит может принимать разные формы — от жертвы пешки в дебюте до сложных комбинаций в середине партии. Этот тактический манёвр придаёт игре остроту и напряжение, разжигает борьбу за инициативу и превращает шахматную партию в захватывающее противостояние умов.

Глава II

БРЕКЗИТ

Говорят, что финансы похожи на большую темную комнату: время от времени кто-то включает фонарик и направляет луч в один из углов. Тогда становится ясно, что именно там скрывается и насколько это важно. Об этом начинают писать на страницах ведущих мировых газет и журналов. Пишут до тех пор, пока, наконец, не приходят к единому мнению: нужно что-то предпринять. Только после этого начинаются действия.

Сейчас луч света направлен на государственный долг европейских стран и именно в этот момент мечта отцов-основателей Европы окончательно дает трещину: появляется реальная возможность того, что валютный союз действительно распадется. Это уже не просто гипотеза, а вполне конкретный показатель, который до недавнего времени оставался в целом стабильным и представлял интерес в основном для экономистов и теоретиков финансов. Речь идет о спреде — разнице между процентными ставками по ценным бумагам, выпущенным страной-гегемоном, Германией, и ставками по бумагам других европейских государств.

Спред мгновенно превращается в идеальный инструмент

для измерения расстояния между мечтой и реальностью: это динамичный показатель, ежедневно фиксируемый на фондовых рынках по всему миру и наглядно демонстрирующий неэффективность того, что в теории должно было стать единой денежной системой — союзом стран, процентные ставки которых были бы если не одинаковыми, то, по крайней мере, очень близкими. Тем временем вслед за Грецией Ирландия и Португалия также вынуждены сложить оружие под натиском рынков и добровольно передать контроль «тройке» — Европейской комиссии, Европейскому центральному банку и Международному валютному фонду. Этот фонд, предоставляющий значительные кредиты — 85 миллиардов евро Ирландии и 78 миллиардов евро Португалии, — требует в обмен на них одобрения реформ, соответствующих политике жёсткой экономии: смертельного коктейля из сокращения социальной поддержки и государственных расходов при одновременном повышении налогов для граждан и компаний.

Любой, кто работал на производстве и был сокращён, с горечью осознает, что больше не может претендовать даже на те немногие рабочие места в третьем тысячелетии, которые по-прежнему требуют участия людей, а не машин. Молодые люди, ищущие свою первую работу, понимают, что университеты не подготовили их к вступлению в эту совершенно новую реальность. Так два возраста — молодость и зрелость — сливаются в единую армию недовольных: неясную, растерянную и разгневанную массу, изрыгающую свою ярость

на клавиатурах компьютеров и неспособную найти работу, кроме неполной занятости. Временный труд — низкооплачиваемый, унижительный, бесперспективный.

Все то, что поддерживало миллионы женщин и мужчин, удерживало их в обществе и позволяло становиться его движущей силой — работа, стремление к успеху, вера в лучшее будущее, маячившее на горизонте, — исчезло. Сегодня только в Италии почти десять миллионов человек живут в условиях абсолютной нищеты, затерянные в суровом настоящем, где единственная доступная им роль — роль проигравших.

Так почему же разочарованные, обманутые и обедневшие западные избиратели должны продолжать голосовать за представителей серьезной, старомодной, рассудительной и, увы, потерпевшей крах — политической линии? Что они на самом деле рискуют потерять, если решат поверить воодушевляющим, пусть и необоснованным обещаниям тех, кто говорит им: все, что нужно, — это сравнять с землей все, что было построено в прошлом и не работало, чтобы вновь открыть путь к жизни в лучшем из возможных миров?

Как нам снова запустить этот социальный лифт, который теперь застрял на первом этаже истории, полностью разобранный? Куда исчезло процветание? Куда ушло светлое будущее? Куда делись «Соединенные Штаты Европы» и где сейчас скрываются наши лучшие умы, те ярые сторонники глобализации, которые когда-то громогласно проповедовали ее на страницах газет? Что они могут сказать сейчас? При-

знать, что в прошлом они, возможно, слишком некритично и рьяно отстаивали идею глобализации. Признать, что их ослепляли энтузиазм и обещания, ведь если присмотреться, то можно увидеть, что глобализация привела к появлению миллионов безработных по всей Европе, а также к инфляции и стремительному росту неравенства.

Основой для создания ЕС стало учреждение Европейского экономического сообщества в 1957 году. Тогда была создана единая европейская таможенная зона, организовано свободное движение капитала между партнерами и построен общий рынок. Эти условия способствовали бурному росту бизнеса, что положительно сказалось на экономике всех участников соглашения. В 1973 году, оценив утекающие прибыли, Великобритания после третьей попытки вступила в сообщество. Первые две заявки заблокировала Франция, усмотрев в англичанах американских агентов.

В 1992 году был подписан Маастрихтский договор, и объединение стало не только экономическим, но и политическим. Европейский совет получил контроль над внутренней и внешней политикой союзников. Договор превратил ЕС в потенциальную сверхдержаву и значительно повысил его роль на мировой арене. Совокупный ВВП стран Евросоюза приблизился к показателям США и значительно опередил экономики соседних стран. Жители ЕС получили возможность работать, путешествовать и вести бизнес по всему объединению без виз и бюрократических препон.

Что не устраивало англичан? Эксперты считают, что главной причиной Брекзита стала политика ЕС, лояльная по отношению к нелегальным мигрантам из Африки и Ближнего Востока. Только в 2015 году в Европу прибыло около миллиона беженцев. К тому времени Британия уже пережила приток граждан из Восточной Европы, прежде всего из Румынии, Болгарии и Польши — эти страны вступили в ЕС в 2000-х годах. В целом экономика Великобритании выиграла от дешевой рабочей силы мигрантов, однако инфраструктура страны испытала серьёзную нагрузку. В обществе нарастало напряжение. При этом британцы относятся к беженцам по-разному: половина — положительно, половина — отрицательно, и общество оказалось глубоко поляризованным. Кроме того, взносы стран-членов ЕС в общий бюджет распределяются неравномерно: государства с высоким ВВП платят больше, выступая донорами для менее успешных партнеров. Простые британцы уверены, что их страна кормит союзников, не получая от этого никакой выгоды. Однако они забывают о рынке сбыта для своих товаров, который они при этом получают, и о конечной выгоде.

Наконец, Великобритания — историческая сверхдержава с сильной политической культурой. Англичане воспринимают себя не просто как европейцев, а как наследников бывшей империи. Они сопротивлялись многим европейским правилам: не вступили в Шенгенскую зону и не приняли евро. Постепенно все чаще стал возникать вопрос: стоит ли Велико-

британии и дальше оставаться в ЕС?

«Я обращаюсь к парламенту с предложением, чтобы британцы сами решили, какое будущее ждет нашу страну в Европе. На референдуме, который состоится в четверг, 23 июня 2016 года, выбор будет за вами», — заявил премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон.

За неделю до референдума. Здание London China Bank (LCB).

— Наступает эра перемен! — громко и уверенно произнес Антонио Моретти. Его голос мгновенно перекрыл гул торгового зала.

Воцарилась тишина: десятки взглядов оторвались от экранов мониторов.

— Все меняется, и мы прекрасно это понимаем. Но настоящие мастера своего дела не просто приспосабливаются к переменам — они превращают их в возможности. Мы первыми разглядели потенциал партнерства с китайскими коллегами и сумели заработать на этом миллионы. Наш успех — не случайность. Это результат точного расчета, стратегического мышления и, прежде всего, гибкости ума. Именно это делает нас сильными.

Он сделал короткую паузу, давая присутствующим время осмыслить сказанное.

— Я благодарю каждого из вас: за труд, за вклад, за стремление не останавливаться на достигнутом. Вместе мы не просто переживем перемены — мы будем управлять ими и под-

нимемся еще выше.

Аплодисменты раздались как по сигналу: слаженные, мощные, почти торжественные.

— И все это стало возможным благодаря нашему руководителю отдела трейдинга, — Антонио на мгновение задержал взгляд на молодой китаянке. — В первый год ее работы мы не просто столкнулись с трудностями — мы стали сильнее. Вместе.

По залу снова прокатилась теплая волна аплодисментов. Под этой гладью, как под спокойной водой, таились зависть и интриги. Глава отдела по управлению рисками наклонился к председателю совета директоров и что-то прошептал ему на ухо. От внимания Моретти ничто не ускользало. Он видел дальше большинства — обладал особым чутьем, инстинктом лидера, который не подводил его годами.

— На эту должность следовало назначить кого-то из нас, — ядовито прошептала Камилла. Раджа осторожно, почти незаметно кивнул.

— Останется ли Великобритания в ЕС или выйдет из него, эффект будет колоссальным, — продолжал Антонио. — Мы либо заработаем миллиарды фунтов, либо упустим эту возможность. Но мы не боимся перемен и не останемся в стороне.

Вдохновляющая речь и похвала вызвали в глазах Мэй Ли тревожный блеск — сложный сплав желания, амбиций и тщательно скрываемого восхищения. Она стояла неподвиж-

но, как натянутая струна, готовая в любой момент выплеснуть накопившуюся энергию. Изящные черты лица и бархатистая кожа, еще не тронутая временем, выдавали ее молодость, но за этой хрупкой внешностью скрывался холодный, расчетливый ум, привыкший взвешивать каждый шаг.

— Отличная речь, — произнёс Сяо Чжан с лёгкой, почти неуловимой улыбкой. — Не берусь гадать, что сейчас просчитывает глава отдела рисков... но, как бы то ни было, скромный директор по стратегии будет рядом. Плечом к плечу, — он сделал акцент на последних словах и легонько хлопнул Антонио по плечу.

— Ценю это, — ответил Антонио.

Китаец мельком взглянул на часы.

— Мне пора в аэропорт.

— Куда на этот раз?

— В Пекин. Первый матч по Го между человеком и искусственным интеллектом.

— Желаю приятно провести время.

Антонио уже протянул руку для прощания, когда путь ему внезапно преградил высокий худощавый мужчина в безупречно сшитом деловом костюме. Он бесцеремонно вклинился между ними, словно не замечая Сяо, и впился в Моретти пристальным, почти вызывающим взглядом. В этом взгляде смешались опасная решимость, холодная дерзость и предельная собранность. Его появление неизменно вызывало ощущение скрытой угрозы. Напряжение повисло в возду-

хе — густое, звенящее, как электричество перед грозой.

— Тебя вызывает Джереми

— Эмиль, ты правда не знаком с устройством, передающим звук по радиоволнам? Его называют телефоном.

— Очередная глупая шутка, — раздражённо бросил Эмиль.

Моретти не дрогнул. Ни одна мышца на его лице не выдала эмоций. Свет, преломляясь в стеклянных стенах, мягко разливался по коридору ровным сиянием. Слева открывалась панорама города: небоскребы, бесконечное движение, деньги, пыль и слава. Здесь кипела жизнь, а там, за дверью, ее взвешивали, продавали и уничтожали.

Антонио сосредоточен, почти отстранен. Эмиль Штраус идет позади с хмурым лицом, пряча тревогу за скрещенными руками. Он тихо закрывает дверь, но этот звук кажется слишком значимым — словно захлопывает клетку. В кожаном кресле сидел Джереми Джонс. Гладко выбритая голова блестела в свете потолочных ламп, а аккуратно подстриженная борода придавала ему вид безупречного аккуратиста. В руках он привычным уверенным жестом держал ручку. Никого не пригласили присесть. Антонио и Эмиль стояли перед ним, словно провинившиеся дети, вызванные к директору. Их позы выдавали напряжение: плечи слегка сгорблены, руки бессознательно сжаты, взгляд ищет опору, но натывается лишь на холодный блеск глаз Джереми.

Джереми заслужил свое место под солнцем. Чтобы до-

биться этого, ему пришлось карабкаться по социальной лестнице, изнурять себя на скучных благотворительных вечеринках, отсидеть в тюрьме за легкомысленное поведение в молодости, жениться на богатой, но непривлекательной девушке ради связей ее отца. Он подкупал, очаровывал, угрожал и не собирался быть вежливым.

— Меня беспокоит падение показателей в этом месяце, — Джереми постукивает ручкой по столу. — Банк рискует, а ты рискуешь не выполнить план!

— Мы попадём с Брекзитом, — неуверенно ответил Антонио.

— Точно сказать нельзя, — Джереми делает паузу. — Мне неприятно это говорить, но иногда генеральному директору приходится признавать горькую правду.

— Какую?

В глазах Антонио читается замешательство, брови слегка нахмурены, он выглядит озадаченным. Осуждающий взгляд Штрауса, меткий и хлесткий, как стрела, пронзает воздух и точно попадает в цель.

— Ты должен понять: сильные не могут тащить на себе слабых.

— В моей команде нет слабых! — решительно возразил Антонио.

— Понимаю, это непросто принять.

Антонио медленно повернулся к главе отдела управления рисками.

— Ну, Эмиль, говори. Вижу, ты хочешь высказаться.

— Есть очевидный кандидат, — не колеблясь, начал Эмиль. — Раджа Пандей. Для старшего аналитика у него просто катастрофические показатели.

— У него черная полоса, вот и все, — ответил Антонио.

— Генеральный директор должен не просто вдохновлять, он должен внушать страх, — сказал Джереми. Повисла пауза. — Рад, что ты согласен.

Антонио медленно повернулся к Эмилю. Его взгляд, полный презрения, остановился на Штраусе. Враг был рядом — неявный, почти призрачный, как тень, пробирающаяся в каждый момент их встречи. Его присутствие ощущалось как холод, пробирающий до костей, несмотря на то, что его не было видно. В каждом слове и каждой паузе чувствовалось напряжение.

Когда поднимаешься на вершину, неизбежно выстраивается очередь из тех, кто готов столкнуть тебя вниз. Тени зависти, словно бесплотные призраки, тянутся из темных углов, пытаясь затмить свет твоих достижений. Стоя на вершине, ты сталкиваешься с постоянной борьбой, но именно в ней обретаешь силу, закаляешь волю и открываешь новые горизонты.

Время... Как странно и неуловимо оно течет. Сначала кажется, что впереди целая жизнь, полная безграничных возможностей. Но вскоре приходит понимание: это всего лишь иллюзия, ловушка, в которую мы охотно попадаемся. Время

— беспощадный противник. Оно не дает отсрочек и не прощает промедления.

А мечта... Мечта — словно звезда в ночном небе наших желаний. Она возносит нас над обыденностью, дарит крылья, чтобы мы могли полететь туда, где возможно всё. Но что делать, когда мечта сбывается и оказывается совсем не такой, какой казалась? Когда торжество сменяется странным, холодным опустошением? Ощущение победы, безусловно, есть. Но вместе с ним приходит нечто иное — тень пустоты. Опустошение после осуществления мечты напоминает тишину после грозы. Мы привыкли к шуму борьбы, к напряжению ожидания. А когда всё стихает, остаётся лишь глубокий звенящий покой, и в этом покое таится тихая, непреодолимая тоска. Антонио мечтал о свободе и море. Но когда он получил желаемое, то начал медленно угасать. Его жизнь текла как неспешный танец с невидимым партнером — временем. С каждым днем в его жизни становилось все меньше жизни и все больше одиночества. Пустота заполняла пространство, окутывая сердце. Это была не просто тоска по упущенным моментам — это была глубокая пустота.

Дети выросли и разъехались. Майкл уехал учиться в Гарвард, а Лана родила прекрасную девочку и переехала к матери в Америку. Антонио остался один. Когда-то живительный и вдохновляющий морской пейзаж теперь казался утомительным. Шепот волн и соленый ветер перестали быть частью повседневности — они стали символами разлуки и ти-

хого покоя. Он покинул свой дом на итальянском побережье и вернулся в Лондон — город, где на улицах не бывает тихо, а огни не гаснут даже глубокой ночью. Он надеялся снова почувствовать его пульс, раствориться в шуме толпы и среди бесконечного движения и мерцающих витрин найти то, что когда-то потерял за спокойной линией морского горизонта. Сквозь вечерний туман он брел по набережным, словно одинокий путник, сбившийся с пути. Воспоминания о прошлом приходили к нему, как сны: моменты, когда сердце пылало мечтой, но где теперь эта мечта? Она поглощена временем, как свет — тьмой. Амбиции и дерзкие замыслы гасли, словно звёзды, в бездне разочарования. Время стало тяжестью на душе — камнем, ломающим крылья надежды. Разочарование звучало как печальная мелодия глубокой ночи. Странная, тихая пустота. Не от недостатка чего-то, а от того, что привычное перестало удивлять.

Можно мечтать о том, чтобы быть по-настоящему живым: не просто существовать среди достижений, а ощущать каждый вдох, каждый городской шум, каждый шорох волн, словно видишь их впервые. Можно мечтать о красоте, которую раньше не замечал в повседневности, о простоте, которая оказывается бесценной. И все же в этом была своя правда. Время учит ценить мгновения. Мечта может угаснуть, но путь остается. Шаги, ошибки, взлеты и падения — все это делает нас такими, какие мы есть. Антонио не стал тем, кем мечтал быть, но обрел нечто более ценное — зрелость.

Дверь кабинета тихо приоткрылась. Вошла команда. Антонио медленно поднял глаза. Его взгляд встретился с внимательными, настороженными глазами коллег, полными ожидания и скрытой тревоги.

— Ты нас звал? — первой заговорила Мэй Ли.

— Да, — кивнул Антонио. — Мне нужны решения и идеи для реализации плана. С учётом референдума о выходе Великобритании из ЕС, даже если мы точно определим тренд, этого будет недостаточно.

— Я нашёл одну перспективную компанию, — начал Раджа, протягивая Моретти планшет. — Они отслеживают вспышки лихорадки Эбола в Африке в режиме реального времени.

— Неинтересно, — нахмурился Антонио, бегло взглянув на экран.

— Но у этой технологии огромный потенциал, — настаивал Раджа.

— В Африке и Азии — возможно. Но у нас никто не даст доступ к таким персональным данным.

— Не согласен. Представь, если бы... — начал Раджа.

— Раджа, — резко перебил его Антонио, — позволь мне, как генеральному директору, решать, где есть потенциал, а где нет. Или ты претендуешь на моё место?

Раджа Пандей, ошеломленный тоном старого друга, замер. В комнате повисла напряженная тишина.

— Камилла, у тебя есть идеи?

Камилла неловко потянулась за телефоном, пытаясь обратиться с мыслями. Пауза затянулась.

— Она сосредоточена на Брекзите, — заступилась за коллегу Мэй. — Мы все сейчас на взводе.

Антонио перевёл взгляд на команду, на его лице читалось разочарование.

— ElCar, — неуверенно произнёс Конор.

— Интересно, — ответил Антонио, — но если британцы проголосуют за выход из ЕС, автопроизводители окажутся под ударом.

— ElCar — не просто автопроизводитель, — пояснил Конор, набираясь уверенности. — После «дизельного скандала» они полностью переключились на электромобили. «Зелёная» повестка сейчас в тренде, но им нужны масштабные инвестиции, чтобы сохранить лидерство. А масштабные инвестиции — это и большие комиссионные.

— Хорошо, — кивнул Моретти. — Организуй встречу с ними.

— С Брекзитом мы всё же укладываемся в сроки. Пока перевес на стороне тех, кто хочет остаться.

— А может, и нет! — резко возразил Антонио.

Камилла, явно обиженная, опустила глаза, стараясь скрыть эмоции.

— Мы примем верное решение, — твёрдо сказала Мэй, пытаясь приободрить коллег.

— Раджа, где твои партнёры из Okko Vizor?

— Они уже в пути, будут здесь минут через двадцать.

— Хорошо. Встреть их и проводи в конференц-зал.

Антонио оглядел команду, задержав взгляд на каждом.

— Спасибо. Все свободны.

Антонио остался один. Щелчок ручки в его руке прозвучал резко, как нервный тик невидимого таймера, отсчитывающего тревожные секунды. Он не мог усидеть на месте и начал метаться по кабинету, пытаясь сбросить накопившееся напряжение. Мысли сменяли друг друга пульсирующими импульсами, а рука механически выводила на бумаге беспорядочные наброски — отражение внутренней суматохи. Щелчки ручки стали фоном его мятежного разума, ритмом неумолкающего внутреннего монолога.

В 2015 году выяснилось, что Volkswagen установил в миллионы дизельных автомобилей специальное программное обеспечение, которое обманывало системы экологического контроля. Во время тестов автомобили показывали заниженные показатели выбросов оксидов азота, однако в реальных условиях эти показатели превышали норму в 40 раз. Последствия «дизельгейта» были катастрофическими: штрафы на десятки миллиардов долларов — только в США около 25 миллиардов долларов — и серьёзные репутационные потери для Volkswagen, Audi, Porsche, Škoda и SEAT. Руководство компании было полностью обновлено, несколько топ-менеджеров арестованы. Этот скандал стал мощным толчком к переходу автопроизводителей на электромобили и гибри-

ные модели, а также к ужесточению экологических стандартов и усилению контроля над автопромом во всем мире.

Раджа тепло поприветствовал друга и крепко обнял его, выражая радость от встречи. Он предложил пройти в конференц-зал, и по пути они обменялись последними новостями и шутили. Смех и оживленные разговоры наполнили коридор, мгновенно разрядив обстановку. На мгновение все вокруг словно исчезло, и они вновь ощутили ту легкость и непринужденность, с которой когда-то начался их совместный путь. Раджа привел гостей в конференц-зал, представил их команде: Амира Наваза, руководителя отдела аналитических решений компании «Okko Vizor», и его коллегу Анну. Анна подробно рассказала о технологии оценки эмоционального резонанса, которая позволяет прогнозировать поведение людей, учитывая как сознательную, так и подсознательную волатильность. Она подчеркнула, что Брекзит — это прежде всего эмоциональное событие, и поэтому их метод способен предсказать, как человек проголосует. Амир добавил, что для этого они используют небольшую программу, основанную на данных из социальных сетей. Он пояснил, что принцип работы похож на приложения для знакомств с опросником, но вместо оценки совместимости прогнозируются результаты голосования.

Мэй Ли задала вопросы о точности прогнозов и методах обработки вариативных данных. Анна ответила, что они проводят множество тестов и проверок, чтобы обеспечить

высокую точность прогнозов, особенно для колеблющихся или еще не определившихся избирателей. Она уверенно заявила, что их система может предсказать решение тех, кто еще не определился, даже до того, как они сами его осознают. Мэй Ли напомнила, что LCB готова выплатить миллион фунтов стерлингов за достоверный прогноз о результатах Брексита. Амир с легкой усмешкой заметил, что, будь он азартным человеком, поставил бы все на их данные. В заключение Мэй Ли подчеркнула, что контроль над данными определяет правила игры, и они рассчитывают на точность прогноза. Команда получила указание продолжать работу.

Глава III

ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ

День Джея Моргана начался с чашки крепкого черного кофе и омлета в его любимом ресторане. Дело было не во вкусе, а в привычке: чем больше данных ты контролируешь, тем меньше нужно неизвестных переменных. Именно поэтому люди его профессии, оказавшись в любой стране и любом городе, предпочитают одни и те же места, одни и те же маршруты, одни и те же ритуалы.

Mercedes-Maybach S-класса доставил его прямо к частному терминалу аэропорта. Никаких регистраций, никаких досмотров — время не терпит формальностей. Расстояние между Лондоном и Пекином составляет 8146 километров. Самолет Falcon 50 летит со скоростью 900 километров в час, и с учетом пересадки в Москве общее время в пути составит девять часов тридцать минут. В делах Моргана точность расчетов имеет первостепенное значение. Когда на счету каждая минута, а одно решение может изменить судьбы миллионов, опоздание — непозволительная роскошь.

Он — эмиссар и финансовый управляющий транснациональной корпорации, предпочитающей оставаться в тени. В узких кругах их называют «архитекторами». Они не выходят

на сцену — они расставляют фигуры. Великая шахматная доска мира расчерчена ими задолго до того, как остальные осознают, что партия началась. Чаще всего архитекторы действуют сообща, но даже среди них случаются разногласия. И тогда стоит по-настоящему испугаться: нет ничего опаснее борьбы тех, кто привык управлять чужими жизнями.

Их жизнь — игра. Азартная, холодная, беспощадная. Ставки в ней: государства, народы, судьбы. Иногда — целые эпохи. И порой эта игра щедро заливает доску кровью. Это закрытая лига международных финансовых воротил и политических стратегов, королей спекуляций и «серых кардиналов» власти. Они разжигают конфликты и гасят их, когда это становится выгодно. Они стравливают страны и примиряют врагов, перекраивают границы, разжигают революции под благовидными лозунгами и направляют миграционные потоки, меняя демографию континентов. Они подчиняют себе лидеров — политических, общественных, духовных. Они устанавливают правила для рынков, валют и институтов, превращая экономику в инструмент давления.

Их интересы проникают в самые темные сферы человеческой деятельности, где жизнь измеряется цифрами, а мораль — коэффициентами. Архитекторы последовательно стирают границы между допустимым и запретным, размывают культурные и нравственные ориентиры, экспериментируют с обществом, словно с лабораторным материалом. Тотальный контроль, цифровая идентификация, унификация образова-

ния и культуры, управление массовым сознанием — лишь этапы большого проекта, в котором человек рассматривается не как цель, а как ресурс. И в этой системе Джей Морган стремится занять не последнее место. Он — фигура, чей следующий ход может изменить всю партию.

Чтобы отвлечь внимание людей от целостной картины, они намеренно дробят реальность на отдельные разрозненные сюжеты. Фрагменты вытесняют смысл. Детали заслоняют систему. Все подчинено одной цели — построить новый мир. А новый мир, по их убеждению, невозможно создать, не разрушив старый. Такой радикальный подход к переменам чужд большинству. Массы инстинктивно цепляются за привычный порядок, даже если он трещит по швам. Поэтому перемены не навязывают напрямую: их подготавливают, растягивают во времени, маскируют под необходимость.

В их картине мира глобальные вызовы — изменение климата, терроризм, экономическая нестабильность, пандемии — не имеют локальных решений. Национальные государства, по их мнению, слишком разобщены, неповоротливы и зависят от внутренних противоречий, чтобы справляться с такими угрозами в одиночку. Глобальные проблемы требуют глобальных решений, координации и централизации. Наднациональные институты должны уметь принимать решения, не оглядываясь на границы, традиции и суверенитет. Интеграция и сотрудничество между странами должны укрепляться шаг за шагом, кризис за кризисом, пока не сформи-

руется новая архитектура управления миром.

Архитекторы видят будущее, в котором не будет государств и границ. Не будет армий и, следовательно, войн. Мир превратится в единую систему, где порядок важнее свободы, стабильность важнее выбора, а человек станет частью большого, идеально отлаженного механизма.

На высоте тринадцати тысяч метров, где небо становится безмолвным и бескрайним, самолет скользит сквозь облачную завесу. Крылья рассекают пушистые белоснежные облака, оставляя за собой тонкие шлейфы, словно мазки кисти на голубом холсте. Сегодня полеты на таких высотах кажутся чем-то обыденным, почти незаметным. Но еще в XVIII—XIX веках многие ученые и инженеры относились к идее моторизованных летательных аппаратов с откровенным скептицизмом. Мысль о самолетах казалась почти невозможной, противоестественной. Воздух — не среда обитания человека, а небо — не его путь.

В начале XX века ситуация меняется. Первые успехи авиации становятся очевидными: в 1903 году братья Райт совершают управляемый полет на самолете Wright Flyer. Их эксперимент доказывает, что человек может летать. И все же многие продолжают сомневаться. Скептицизм проявляется в газетных статьях, насмешливых карикатурах и псевдонаучных прогнозах. Сегодня реактивные самолеты и космические корабли окончательно подтверждают простую истину: идеи, которые вчера считались безумными, завтра становятся

ся нормой. То же самое происходит и на земле. Один из самых быстрых поездов Китая, Fuxing Hao CR400AF/BF, разгоняется до 453 километров в час. Расстояние в 1067 километров между Пекином и Шанхаем он преодолевает за два с половиной часа — с пассажирами и вагонами, без малейшего намека на опасность. А ведь в 1837 году Баварский медицинский совет всерьез утверждал, что строительство железных дорог нанесет непоправимый вред здоровью населения. По их мнению, скорость свыше сорока километров в час неизбежно приводит к сотрясению мозга и безумию, а у людей, стоящих рядом с путями, — к головокружению и тошноте. Со временем эти страхи развеялись. Железные дороги стали опорой экономического и социального развития, а авиация и космонавтика — символами технического прогресса. Но помнить об этих опасениях важно: это помогает понять, как общество реагирует на новое и как трудно ему принять перемены. Ограниченность мышления и скептицизм нередко заставляют людей недооценивать возможности, которые кажутся слишком дерзкими для своего времени. Однако история снова и снова доказывает обратное: именно такие прорывы расширяют границы возможного.

Но кто на самом деле стоит за технологическими открытиями и решает, когда пора действовать? Какие изобретения нужны миру сейчас, с какими стоит повременить, а от каких и вовсе отказаться? Ответ, как ни странно, лежит на поверхности: архитекторы. Без их воли и капитала многие

идеи так и остались бы чертежами — пожелтевшими листами в архивах. Гению нужны не только озарения, но и ресурсы. История снова и снова доказывает: за каждым скачком прогресса стоят те, кто умеет воплощать замысел в систему. Кто «подарил» миру Леонардо да Винчи — визионера Средневековья? С 1434 года во Флоренции утверждается власть дома Медичи. Город становится крупнейшим финансовым центром Западной Европы, а банк Медичи — самым влиятельным в регионе. Под их контролем находятся экономика, внешняя политика и культурная жизнь Флоренции. Именно в этой среде гений получает возможность для самореализации. Под покровительством Медичи работал и Микеланджело, создавший «Давида» и фрески Сикстинской капеллы. Лоренцо Медичи поддерживает его в решающие годы. Такую же поддержку получают Рафаэль, Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино и Галилео Галилей. Ренессанс расцветает там, где гений встречается с капиталом и политической волей. Позже та же логика распространилась и на Новый Свет. Корнелиус Вандербильт формирует железнодорожную сеть США, Эндрю Карнеги строит небоскребы и индустриальную Америку. Джон Рокфеллер и его компания Standard Oil создают модель современной корпорации с централизованным управлением, логистикой и масштабированием. Генри Форд пересаживает страну с гужевых повозок на автомобили, превращая роскошь в повседневное средство передвижения благодаря конвейеру.

Архитекторы особенно тонко чувствуют стратегическое предвидение. В 1970-е годы компания Shell вовремя сменила курс. Руководитель парижской службы планирования Пьер Вак убедил совет директоров подготовиться к нефтяному кризису и скачку цен. В 1973 году прогноз сбылся: страны ОПЕК разорвали контракты, цены выросли, а Shell, заранее создавшая запасы, выиграла партию. Появляются и новые провидцы. В конце 1990-х Рид Хастингс заметил изменения в потреблении контента и вместе с Марком Рэндольфом основал компанию Netflix. Сначала — доставка DVD по почте, затем — стриминг, ставший крупнейшей видеоплатформой с подпиской. Хастингс не раскрывает, кто именно подсказал ему идею и масштаб, как не раскрывают этого и многие современные визионеры. Стоят ли за Netflix архитекторы? В рамках этой истории — безусловно. Это видно по долгосрочной стратегии, навязанной повестке и последовательности решений. Восхищенные зрители видят результат.

Подлетая к Пекину, Джей Морган смотрит в иллюминатор. Город с высоты птичьего полета открывается как бескрайнее полотно, раскинувшееся на колоссальном пространстве. Его обрамляют горы, а утреннее солнце медленно вырисовывает величественные контуры мегаполиса. Среди разрывов в облаках проступают очертания Великой Китайской стены — она змеей вьется по хребтам, словно по-прежнему охраняя древний город от невидимых врагов. Отсюда про-

спекты и бесконечные ряды высотных зданий кажутся тонкими линиями и точками, складывающимися в сложный, почти математический узор. Кварталы тянутся до самого горизонта, образуя мозаичную структуру из стекла, стали и бетона. Серебристые нити дорог и автострад переплетаются, оплетая город, как кровеносная система живого организма.

За последние двадцать пять лет Китай создал самую мощную в мире строительную индустрию. Мир настолько привык к его экономическому буму, что давно перестал воспринимать его как нечто исключительное. Почти каждый человек на планете знает, что значительная часть того, чем он пользуется ежедневно, произведена в Китае — от сложных технологий до самых простых товаров. Китай стал фабрикой глобального масштаба, незаметно, но неотвратимо вписавшейся в жизнь всего мира.

Морган продолжает смотреть вниз. Он привык мыслить масштабно, и этот город говорит с ним на понятном языке. Справедливости ради стоит отметить, что товары неплохого качества с надписью «Сделано в Китае» перестали вызывать насмешки. Сегодня эта надпись беспокоит разве что компании, которые не выдерживают конкуренции и стремительно теряют рынки сбыта. За экономическим рывком почти сразу последовал строительный бум. Таких темпов не видели ни Европа, ни США, ни Россия. Высокоскоростные железнодорожные магистрали, многомиллионные города, застроенные кварталами небоскребов, корпорации с капитализа-

цией в сотни миллиардов долларов — экономическая мощь Китая сегодня производит неизгладимое впечатление. Особенно поразителен контраст: всего четыре десятилетия назад страна, едва оправившаяся от социальных экспериментов и голода, встала на путь реформ и открытости. Здесь машина поднимает бетонную балку весом в тысячу тонн, сама растягивается между опорами моста на сорок метров и аккуратно устанавливает ее на место. Так строят мост, по которому впервые в мире прямо над морем будут мчаться поезда со скоростью 350 километров в час. Здесь научились возводить небоскребы за девятнадцать дней, госпитали — за десять, а жилые дома — за сутки. Здесь проложено больше скоростных железных дорог, чем во всем остальном мире, вместе взятом. Стадионы, тоннели под морем, стокилометровые мосты — все это стало нормой, а не исключением.

Как страна, еще недавно напоминавшая бедную аграрную деревню, превратилась в главного мирового строителя и инвестора? Ответ, как ни странно, прост. Во-первых, они строят быстрее всех. Во-вторых, дешевле всех. В-третьих, охотно строят в долг. Что значит «быстро» и «дешево», лучше всего видно на конкретных примерах. Современные буровые комплексы прокладывают тоннели для скоростных железных дорог и метро в условиях, которые раньше считались практически невозможными: прямо сквозь горные массивы Тибета, на высоте нескольких тысяч метров, где не хватает кислорода, или под морским дном — в рамках проектов рекордной

протяженности. С помощью такой техники проходка ведется со скоростью до десяти метров в сутки и обходится примерно в десять миллионов долларов за километр. Для сравнения: в США аналогичный километр тоннеля стоит около пятидесяти миллионов. Разница очевидна. Быстро и дешево — понятно. Но почему в долг? Именно здесь начинается более тонкая часть китайской стратегии.

Более двух тысяч лет назад Рим проложил по Европе около 89 тысяч километров дорог и акведуков. Эти каменные артерии связывали империю в единое целое, позволяя управлять территориями так же, как кости и вены удерживают и питают человеческое тело. Почти восемнадцать веков спустя нечто подобное повторила Британская империя: обладая самым мощным военно-морским флотом своего времени, она оплела мир транспортными магистралями, железными дорогами и портами, превратив инфраструктуру в инструмент контроля. Сегодня этот путь повторяет Китай, но уже по другой логике. Он превращает экономическое влияние в политическое, действуя без пушек и эскадр.

Как родина шёлка покоряет мир, не прибегая к оружию? «Есть два способа завоевать государство: первый — мечом, второй — долгами», — говорил Джон Куинси Адамс, шестой президент США. Эту формулу в Пекине усвоили назубок и применяют с завидным усердием. За последние двадцать лет совокупный долг развивающихся стран перед Поднебесной приблизился к четыремстам миллиардам дол-

ларов.

В сентябре 2013 года Си Цзиньпин выступил в Астане, впервые представив проект «Один пояс — один путь» — новую, гораздо более масштабную версию Великого шёлкового пути. С тех пор Китай инвестировал более 843 миллиардов долларов в строительство дорог, мостов, портов, электростанций и больниц в странах Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии. Почти 70 процентов этих средств предоставляются в виде кредитов. Китайские займы обладают тремя ключевыми преимуществами по сравнению с европейскими или американскими. Во-первых, они относительно дешёвые. Во-вторых, рассчитаны на длительный срок. В-третьих, что особенно важно для заёмщиков, Пекин не интересуется внутрисполитическая кухня стран-партнёров. Для получения кредита не нужно соблюдать демократические стандарты, отчитываться о соблюдении прав человека или следовать идеологическим требованиям западных институтов. Инфраструктура становится долговым якорем, а долг — тихим и надёжным инструментом влияния. Именно так, шаг за шагом, Китай выстраивает свою империю XXI века — без выстрелов, но с железной логикой расчета.

Центральная Азия издавна занимает особое место во внешнеполитической и экономической стратегии Китая. Именно через этот регион в древности пролегал Великий шелковый путь, соединявший Восток и Запад. Неудивительно, что и в XXI веке отношения со странами Центральной

Азии остаются для Пекина стратегически важными: отсюда Китай начал активное экономическое и инфраструктурное продвижение. Наиболее уязвимым в этом отношении оказался Кыргызстан. Его долг перед Китаем превышает 40 процентов от общего объема внешней задолженности страны. На китайские кредиты здесь реализованы или находятся в стадии реализации девять крупных проектов. Самым дорогостоящим стал проект реконструкции автодороги Север — Юг: изначально его стоимость оценивалась в 399,9 млн долларов, но впоследствии выросла до 698,6 млн. Среди других значимых объектов — строительство линии электропередачи Датка — Кемин стоимостью 389,8 млн долларов и модернизация ТЭЦ в Бишкеке стоимостью 386 млн долларов. В случае неспособности обслуживать кредиты эти стратегические объекты перейдут под управление Китая.

За последние пять лет объем китайских инвестиций в экономику Узбекистана превысил 10 миллиардов долларов. По итогам встреч на высшем уровне были подписаны соглашения о реализации проектов в торгово-экономической, инвестиционной и финансово-технической сферах на общую сумму около 15 миллиардов долларов. Кроме того, Узбекистан, Кыргызстан и Китай договорились о строительстве железнодорожной магистрали, которая должна связать три страны. В рамках этого проекта были заключены контракты с компаниями Huawei и ZTE на сумму 506,8 миллиона долларов: они обязались обеспечить высокоскоростной мобиль-

ный интернет вдоль железных дорог и существенно улучшить качество связи.

Положение Казахстана на этом фоне выглядит более устойчивым. Его долг перед Китаем составляет около 9 млрд долларов — сумма значительная, но это всего лишь около 5% от общего внешнего долга страны. В 2015 году корпорация «Казахмыс» приступила к разработке Актогайского месторождения, на что Банк развития Китая выделил кредит в размере 1,5 млрд долларов на льготных условиях. В результате значительная часть продукции компании сегодня экспортируется именно в Китай.

Серьезно зависит от Пекина и Туркменистан. Более 90% всего экспортируемого туркменского газа поставляется в Китай, который фактически стал его единственным ключевым покупателем. Более того, Китай — единственная страна, которой разрешено напрямую заниматься добычей газа на территории Туркменистана.

Однако наиболее тяжелая ситуация сложилась в Таджикистане. Страна вынуждена расплачиваться по долгам не только ресурсами, но и территорией. Уже около 80% золота в республике добывается на предприятиях с китайским участием. В счет погашения задолженности Таджикистан идет и на политические уступки: экстрадирует уйгурских активистов, выступающих против Китая, и позволяет использовать свою территорию для деятельности китайских спецслужб против уйгурских организаций, действующих в Аф-

ганистане. В январе 2011 года Таджикистан передал Китаю около 1100 квадратных километров Памира, ранее являвшегося спорной территорией. В обмен Пекин списал значительную часть таджикского долга. Причины такого интереса очевидны: еще со времен СССР в этом регионе были обнаружены крупные запасы урана, редкоземельных металлов и золота, а в высокогорных озерах содержатся концентрированные соли, которые активно используются в современном промышленном производстве.

Отдельного внимания заслуживает островное государство Шри-Ланка, которое еще в 2005 году начало активно привлекать китайские кредиты для реализации крупных инфраструктурных проектов. На полученные средства строились автомобильные дороги, железнодорожные линии и объекты электроэнергетики. Однако ключевым и наиболее проблемным проектом стал порт Хамбантота на юге страны. Реализация проекта оказалась крайне сложной: затраты постоянно росли, сроки затягивались, а долговая нагрузка увеличивалась. В итоге страна оказалась не в состоянии обслуживать кредиты. Было принято решение передать порт в аренду Китаю сроком на 99 лет. Таким образом, Пекин получил контроль над важным стратегическим узлом в Индийском океане, существенно укрепив свое геополитическое присутствие в регионе.

Не менее важным направлением китайских амбиций являются страны Океании. Китай выделил на инвестиционные

проекты в этом регионе около 2,5 млрд долларов. Такая беспрецедентная щедрость имеет прагматичное объяснение. В 2021 году на Соломоновых островах вспыхнули массовые беспорядки. Власти заявили, что протесты были спровоцированы западными государствами после того, как острова разорвали дипломатические отношения с Тайванем в пользу Китая. Вскоре между Пекином и Соломоновыми островами было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. В соответствии с ним островное государство получило право обращаться к Китаю за помощью в виде предоставления полиции, военного персонала и других силовых структур. Эти договоренности вызвали серьезную обеспокоенность США, которые опасаются появления китайского военного плацдарма в южной части Тихого океана. Однако наиболее масштабную и системную деятельность Китай развернул в Африке. Если в 1980 году товарооборот Китая со странами Африки составлял около 1 млрд долларов, то в 1999 году он вырос до 6,5 млрд, в 2000 году превысил 10 млрд, а к 2006 году достиг 55 млрд долларов. В настоящее время объёмы торговли превышают 200 млрд долларов и продолжают расти. Кроме того, Пекин пообещал предоставить африканским государствам кредиты на сумму 60 миллиардов долларов.

За два десятилетия Китай стал главным торговым партнёром почти половины стран Африки. Около половины всех сетей 5G, а также значительная часть инфраструктуры 4G и

3G на континенте построены китайской телекоммуникационной компанией Huawei. Инфраструктурные проекты охватывают практически весь континент. 1 января 2018 года была официально введена в эксплуатацию железная дорога Аддис-Абеба — Джибути протяженностью 760 километров и стоимостью более 3 миллиардов долларов. Конечной точкой маршрута стал порт Доралех в Джибути, также построенный на китайские средства. Днём ранее, 31 декабря 2017 года, в Кении открылась железная дорога между Найроби и портом Момбаса. В 2014 году была реконструирована железная дорога Бенгела в Анголе, соединяющая порт Лобиту с границей Конго. Бюджет проекта составил 1,86 млрд долларов. Аналогичные проекты реализуются в Нигерии, Судане, Уганде, Мали и других странах.

В Анголе Китай пошел еще дальше и с нуля построил целый город — Киламбу, рассчитанный на полмиллиона жителей. Примечательно, что по условиям большинства контрактов все строительные работы выполняют исключительно китайские подрядчики. В результате схема выглядит следующим образом: Китай предоставляет кредиты, на эти средства африканские страны оплачивают работу китайских компаний и рабочих, а затем еще и возвращают долг Пекину. Помимо экономических дивидендов, Китай получает серьезные политические преимущества. Так, когда 22 страны — члена Совета ООН по правам человека призвали Пекин прекратить массовые репрессии в отношении уйгуров, Китай

выразил официальный протест. При этом половину подписей в поддержку позиции Китая поставили именно африканские государства. Это объясняется правилами ООН: каждая страна, независимо от численности населения, экономической мощи или территории, имеет один равноправный голос. Учитывая, что в Африке 54 государства, их коллективная поддержка имеет решающее значение для Пекина.

Северный и Южный полюса, Латинская Америка и новые горизонты экспансии. Несмотря на то, что Китай формально не относится к государствам, расположенным за полярным кругом, Пекин позиционирует себя как «приполярную державу» и открыто заявляет о своих амбициях в этом направлении. У Китая есть несколько исследовательских станций в Антарктиде. Эти объекты имеют не только научное, но и стратегическое значение: они позволяют закрепиться на континенте и в перспективе претендовать на участие в его освоении. Расчет прост и долгосрочен. В 2048 году истекает срок действия Договора об Антарктике, ограничивающего хозяйственную деятельность и добычу полезных ископаемых. По мнению аналитиков, именно к этому моменту ведущие державы стремятся занять максимально сильные позиции, чтобы в будущем получить доступ к природным ресурсам региона.

Китайские амбиции распространяются и на Южную Америку — регион, который традиционно считался сферой влияния США. Для бедных и развивающихся стран континента

выбор зачастую выглядит безальтернативным: чтобы не отставать от соседей, им нужны технологии, инфраструктура и инвестиции. Все это нужно строить быстро и сравнительно дешево — и здесь на сцене появляется Китай со своей скоростью, кредитами и гибкими условиями. Однако те, кто решается на такое сотрудничество, рискуют повторить судьбу Кении, Шри-Ланки или Эквадора.

Почему именно Эквадор? Появление Китая в Латинской Америке сопровождалось большими надеждами на избавление от почти колониального давления со стороны США. Пекин воспринимался как новая, более справедливая альтернатива. Но оправдались ли эти ожидания? Ярким примером стала плотина Кока-Кодо-Синклер, построенная в Эквадоре при активном участии Китая. Этот проект должен был стать символом экономического прорыва: обеспечить страну электроэнергией, снизить зависимость от импорта и вывести государство из бедности. На практике строительство плотины обернулось общенациональным скандалом, связанным с экологическими рисками, коррупцией и резким ростом внешнего долга. Уже через два с половиной года после ввода в эксплуатацию в конструкции были обнаружены тысячи трещин, что поставило под сомнение ее надежность и безопасность. При этом в счет погашения долгов перед Китаем Эквадор вынужден отдавать до 80% своего ценного экспортного ресурса — нефти. Многие контракты оплачиваются не валютой, а поставками нефти, что позволяет Китаю по-

лучать сырье по сниженной цене, а затем перепродавать его с прибылью.

Свою стратегию Пекин обозначил еще во время мирового финансового кризиса 2008 года, фактически «ворвавшись» в Латинскую Америку, предложив правительствам регионов «спасательный круг» в виде экономической помощи и пообещав «взаимное сотрудничество на равных». Это стало серьезным ударом по американскому доминированию и сработало. Сегодня Китай является главным торговым партнером Южной Америки, застраивая регион инфраструктурой и предоставляя огромные объемы кредитов. Политические дивиденды не заставили себя ждать: ряд стран Латинской Америки разорвали дипломатические отношения с Тайванем в пользу Пекина.

Те же механизмы лежат в основе гигантских прибылей Китая в Африке. Значительная часть заводов, фабрик, дорог, железных дорог, портов и электростанций, построенных на китайские деньги, в итоге остается в собственности Китая из-за неспособности стран-должников обслуживать кредиты. На этих объектах работают десятки тысяч китайских специалистов, а содержание инфраструктуры ложится на плечи местных бюджетов. Местное население если и получает работу, то, как правило, за минимальную плату.

Китайская экспансия не только не замедляется, но и набирает обороты. С Центральной Азией и Африкой все предельно ясно. Теперь же фокус внимания Пекина все замет-

нее смещается в сторону ослабленной и разобщенной Европы, где экономические трудности и политические разногласия создают благоприятную почву для новой волны китайского влияния.

Мир затаил дыхание. Журналисты с пяти континентов съехались в Пекин, чтобы стать свидетелями первого в истории матча го между человеком и искусственным интеллектом. Го — тонкая, почти философская игра, и до этого дня мысль о том, что машина может превзойти человека, казалась почти невероятной. Мягкий, спокойный голос ведущей за кулисами разносился по залу из динамиков. Хитрый и настороженный взгляд Джея Моргана скользил из угла в угол, оценивая гостей и улавливая чужие эмоции.

— Игра началась. Сможет ли машина победить человека?

Игрок не спешил делать первый ход. Зал был залит мягким светом. В центре, за массивным деревянным столом, покрытым зеленым сукном, разворачивалась напряженная партия. С одной стороны — бесстрастный искусственный интеллект на большом экране. С другой — опытный мастер го. Он медленно доставал камни из чаши, взвешивая каждый ход и вглядываясь в мельчайшие детали доски. Пальцы уверенно и бережно укладывали черные и белые камни на пересечения линий.

На два ряда ниже Джея Моргана сидела девушка. Ее тонкие пальцы, сжимавшие карандаш, быстро скользили по бумаге. Она записывала возможные ходы, анализируя их с по-

разительной проницательностью. Ее глаза, слегка затуманенные от напряжения и азарта, неотрывно следили за доской. Рядом лежал блокнот, исписанный плотными строками, в которых причудливо переплетались стрелки и знаки. Иногда она задерживала взгляд на доске дольше обычного, обдумывая неожиданный ход искусственного интеллекта. Ее губы едва заметно шевелились, словно она проговаривала возможные ходы. В зале царила тишина, нарушаемая лишь мягким стуком камней о доску и едва слышным шорохом бумаги. Все присутствующие были погружены в эту древнюю игру, в которой человеческий разум противостоял холодной мощи машины. Все, кроме Джея Моргана. Его мысли полностью занимала эта странная девушка.

— Пока что партия складывается гораздо сложнее, чем предсказывали аналитики. Чемпион не торопится — он тщательно обдумывает ответные ходы. Видно, как ему нелегко. Напряжение читается и на лицах программистов в первом ряду — и тех, кто здесь, и тех, кто следит за происходящим по всему миру. Такой игры не ожидал никто. Это что-то на грани нереального!

Внезапно атмосфера в зале меняется. Девушка, до этого полностью поглощенная записями, резко замирает. Ее рука с карандашом застывает в воздухе, взгляд расфокусируется и становится отрешенным, словно она смотрит сквозь доску, сквозь экран, вглубь самой игры. Проходит мгновение, и она решительно комкает лист бумаги, словно отбрасывая

ошибочную гипотезу или ненужную надежду. Бумага с тихим шорохом сжимается в плотный комок. Она встает. Движения быстрые, собранные, почти резкие. Подойдя к урне в углу зала, девушка бросает в нее скомканный лист, и тот беззвучно падает. На ее лице отражается странная смесь разочарования и внезапного озарения. Она на секунду замирает, словно колеблясь: остаться или уйти.

— Программисты десятилетиями пытались создать программу, способную превзойти человека, и теперь мы видим, что чемпион не просто борется с машиной — он на грани поражения. Я не верю... чемпион сдался. Впервые в истории искусственный интеллект одержал победу над человеком!

Джей Морган разочарованно вздыхает. Щелчки фотоаппаратов, вспышки, суета — все фиксирует исторический момент. По залу прокатывается гул, команда программистов радостно обнимает друг друга, не скрывая ликования. Но Джей, с нарастающим интересом наблюдавший за девушкой, не мог не заметить ее внезапного порыва. Когда она бросила скомканный лист в урну и направилась к выходу, его охватило тревожное предчувствие — интуиция, которая редко его подводила. Он медленно поднимается со своего места, стараясь не привлекать внимания. Подойдя к урне, Джей заглядывает внутрь. Сверху лежит скомканный лист — забытый, никому не нужный. Он осторожно достает бумагу, оглядывается, убеждаясь, что за ним никто не наблюдает, и аккуратно разглаживает ее. На листе — сложные схемы ходов,

стрелки, пометки и краткие комментарии. Это был не просто конспект, а глубокий, почти интуитивный анализ партии. Джей внимательно вчитывается в каждую линию, его взгляд скользит по цифрам и знакам, пытаясь уловить ход ее мыслей. Он аккуратно складывает бумагу и убирает ее в карман. Джей решает догнать девушку и узнать, как ей удалось при- считать исход игры раньше остальных.

— Джей Морган!

Голос за спиной заставил его обернуться. Китаец подошел почти бесшумно. Он был невысокого роста, но его присутствие ощущалось физически, как давление воздуха перед грозой. Безупречно сидящий темно-синий костюм подчеркивал его сухошавую, подтянутую фигуру. Белоснежная рубашка и тонкий шелковый галстук выглядели так, словно на них не было ни единой складки. Темные пронизательные глаза внимательно и спокойно изучали Моргана, словно пытаясь заглянуть за внешнюю оболочку — в его расчеты, сомнения, намерения. На переносице пролегли едва заметные морщины — след привычки хмуриться во время размышлений. Черные как смоль волосы были аккуратно уложены, и лишь несколько серебристых прядей у висков выдавали возраст. На запястье поблескивали дорогие часы, а манжеты рубашки удерживали элегантные запонки с мелкими драгоценными камнями.

— Не ожидал встретить тебя в этих краях, — произнёс он и протянул руку.

Джей демонстративно проигнорировал этот жест.

— Сяо Чжан, — холодно сказал он. — Это поле боя. Поэтому ты здесь, верно?

Он не мигая смотрел прямо в глаза собеседнику. Сяо Чжан медленно опустил руку и едва заметно улыбнулся. В глубине его взгляда мелькнула хищная тень.

— Если ты думаешь, что Китай и Америка воюют, ты ошибаешься. Мы друзья, а не враги, — голос звучал ровно и уверенно, с той спокойной убежденностью, которая приходит к людям, привыкшим к дипломатии и долгим переговорам.

— В небе не может быть двух солнц, — Джей сделал шаг назад. Его голос стал жестче.

Сяо выдержал паузу, затем слегка покачал головой.

— Го — это игра, Джей. Не жизнь. Мы здесь для того, чтобы учиться, анализировать, мыслить стратегически.

Молчание между ними сгущалось. Воздух словно стал плотнее.

— И все же, Сяо, что ты здесь делаешь? — наконец спросил Джей.

— Наблюдаю. Учусь. Как и ты, — ответил тот. — Эта игра преподносит ценные уроки. Мы можем быть конкурентами, но не врагами.

Джей задумался. Его взгляд скользнул к выходу, к лифту. Там стояла девушка. Упустить ее сейчас — значит больше никогда не увидеть.

— Ладно, — наконец сказал он. — Но не надейся, что ты здесь только ради игры. — Он прищурился. — Я не спущу с тебя глаз.

— Взаимно, — Сяо Чжан улыбнулся и проводил Морган взглядом.

Лифт открылся. Девушка вошла внутрь. Когда двери начали закрываться, Джей остановил их ладонью.

— Чуть не опоздал, — сказал он с улыбкой. — Вам вниз?

— Мы на верхнем этаже, — ответила девушка, смущенно улыбнувшись. — Отсюда только вниз.

— Простите, вы обронили это, — он протянул ей сложенный лист бумаги.

— Да... спасибо, — она взяла его, стараясь скрыть неловкость.

Морган не сводил с нее глаз. Его взгляд изучал ее с живым, почти настойчивым интересом.

— Последние три хода ты просчитала раньше компьютера. Как? — он наклонился ближе и понизил голос.

Девушка растерялась. Ее взгляд метался от одной стены лифта к другой.

— Как тебя зовут? — мягче спросил он, заметив ее смущение.

— Мария Новицка, — ответила она после короткой паузы.

— Ты студентка? По специальности «Информатика»? Математика?

— Что-то вроде того, — она нервно поправила рыжие волосы.

— «Что-то вроде того», — повторил Морган с лёгкой усмешкой.

Мария вздохнула.

— У меня истёк срок действия визы. Я должна вернуться в Варшаву.

— Зачем? — он посмотрел на неё внимательнее. В его голосе появилось искреннее любопытство. — Я могу предложить тебе работу в Лондоне.

— Какую?

— Ты любишь математику. Я покажу тебе, как применять ее в реальной жизни.

Он достал визитку и протянул ей.

— Моя визитка. Рад знакомству, Мария Новицка.

Она взяла карточку, глядя на нее с благодарностью и осторожным недоверием. Лифт остановился. Двери открылись.

— Спасибо, — сказала она на прощание и вышла.

Джей смотрел ей вслед, пока двери не закрылись. Мария шла по коридору, сжимая в пальцах визитку, не до конца понимая, что именно изменилось, но ощущая, что ее будущее только что сделало резкий и необратимый поворот.

Глава IV

РЕФЕРЕНДУМ

Утро в Лондоне начиналось с призрачного тумана. Он окутывал высокие стеклянные башни Сити, словно мягкая вуаль, придавая городу нереальный вид. Серый и плотный, он поглощал звуки и размывал очертания городской суеты, создавая иллюзию уединения посреди мегаполиса. На оживленных улицах толпы людей двигались синхронно, вовлеченные в бесконечную спешку — вечную борьбу за время. Мы торопимся жить, боясь не успеть; спешим дружить, любить, добиваться. Альберт Эйнштейн утверждал, что время и пространство как физические категории существуют только во взаимосвязи с движущейся материей. Иными словами, время для каждого тела течет по-разному в зависимости от скорости его движения. Загоните восемь миллиардов человек в безумный ритм, лишите их возможности остановиться и рефлексировать — и эта вибрация непременно запустит эффект бабочки. Возможно, она даже ускорит вращение Земли вокруг своей оси: достаточно одной миллиардной доли миллисекунды, чтобы почувствовать, что в сутках стало меньше двадцати четырех часов.

Антонио Моретти спешно одевался, нервно поглядывая

на экран телевизора. Диктор зачитывал последние новости: «День референдума. Сегодня у инвесторов всего мира только один вопрос. После долгой и изнурительной кампании Британия идет на избирательные участки, чтобы решить, оставаться ли в Европейском союзе. Обе стороны призывают граждан сделать свой выбор — голосование, которое в каком-то смысле уже изменило страну».

Антонио застегнул рубашку и накинул пиджак, стараясь не пропустить ни слова из новостного блока. Схватив телефон и ключи, он выскочил из квартиры и направился к лифту. Спускаясь вниз, он бегло просматривал заголовки на экране смартфона. Эксперты спорили о последствиях возможного выхода Великобритании из ЕС, инвесторы паниковали, аналитики строили противоречивые прогнозы. Выйдя из здания, Антонио сел в уже ожидавший его автомобиль и направился в офис. Лондон был охвачен небывалым напряжением. Казалось, весь город затаил дыхание в ожидании результатов. Машина остановилась у здания банка, и Антонио, не теряя ни секунды, вошел внутрь.

В конференц-зале его уже ждала команда: Раджа, Мэй, Камилла и Конор. Они собрались вокруг стола, на котором были разложены отчеты и графики. На стене висел большой монитор, на котором в режиме реального времени должны были отображаться результаты голосования.

Антонио вошел в зал с напряженным выражением лица, в воздухе витало ощущение тревоги. Мэй сразу заметила его

состояние и попыталась выяснить, как он себя чувствует. Сегодня должен был решиться важный вопрос, и от их работы зависел исход дела. Антонио нервно расхаживал по конференц-залу, то и дело, бросая взгляд на экран и стараясь сдерживать волнение.

Раджа сосредоточенно анализировал данные, не отвлекаясь на разговоры. Прогнозы были неопределенными, и их точность оставляла желать лучшего. Антонио раздраженно заметил, что не за это им платили, но Раджа спокойно объяснил, что Амир уверен в победе сторонников сохранения членства в ЕС и будет следить за опросами в режиме реального времени, сообщая о результатах по видеосвязи. Команда приготовилась к любому развитию событий. Все были на связи и готовы немедленно доложить о любых изменениях. В этот момент на экране появился Амир. Он сообщил, что последние опросы показывают небольшой перевес сторонников «остаться», хотя разница минимальна. Данные обновлялись каждую минуту, и команда сразу же погрузилась в работу: анализировала поступающие цифры, просчитывала сценарии и оценивала возможные риски.

В кабинет Моретти вошел аналитик по управлению рисками Эмиль Штраус с квартальным отчетом, который выглядел тревожно. Антонио холодно посмотрел на него и на мгновение задумался о возможности уволить Эмиля, но Эмиль уверенно возразил, что Джереми не позволит принять такое решение. Антонио понимал, что отчет нельзя иг-

норировать, и, хотя в глубине души был согласен с Эмилем, попросил его выйти, чтобы сосредоточиться на предстоящем мероприятии. В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Конор. Голосование должно было начаться с минуты на минуту, и все ждали выхода Антонио. Прогноз оставался прежним: небольшой плюс в два процента в пользу варианта «остаться». Торговый зал замер в напряженном ожидании. И вдруг на экране появилось заявление Найджела Фараджи, лидера Партии независимости Соединённого Королевства. Он признал своё поражение ещё до официального объявления результатов. Камилла, заметив, что Раджи напряжён, положила руку ему на плечо, чтобы хоть немного утешить его в этот момент неопределённости.

— Я так и знала. Прогноз Амира сбывается: фунт пойдёт вверх, — сказала она.

— Он говорит, что победит вариант «остаться». Почему ты не радуешься? — спросила Мэй, заметив, что Антонио не отрывает взгляда от монитора.

— Зачем сдаваться так рано?

Мэй уловила его тревогу.

— Антонио?

— Что-то не так, — сказал он и зашагал по залу.

— Фарадж просто чувствует, куда дует ветер, — предположила Камилла.

— Или хочет, чтобы рынки поверили именно в это, — добавил Конор, усиливая напряжение.

В этот момент Амир по видеосвязи связался с Раджой.

— Раджа, происходит что-то странное. По всей Британии подсчитывают миллионы голосов. Фондовые рынки нервничают. В Сандерленде объявили результаты: 60 на 40 — за выход. Это не совпадает с прогнозами, — обеспокоенно сказал Амир.

— Но в итоге все равно победят сторонники сохранения членства, да? — спросил Раджа.

— Очень на это надеюсь, друг, — ответил Амир, но в его голосе уже слышалась неуверенность.

— Рынок начинает лихорадить. Фунт падает, — заметила Камилла.

До референдума британская валюта держалась уверенно — около 1,45 доллара за фунт. Опросы, прогнозы, ставки — все указывало на победу. В день голосования фунт даже укрепился почти до 1,50, словно рынок заранее праздновал исход.

— Плохие новости. «За выход» может победить, — тихо произнес Конор.

— Амир, мы ставили на рост фунта. На то, что они останутся. Как ты и сказал, — с холодной злостью подчеркнула Мэй. — Амир?

Амир замолчал и отключил видеосвязь. На экранах фунт стремительно падал по отношению к доллару.

— Не может быть... — прошептал Конор.

«23 июня войдет в историю как день нашей независимо-

сти», — заявил Найджел Фарадж. «Британия проголосовала за выход из ЕС. Невероятный день для нашей страны». С этого момента все ожидания рухнули. Рынок понял: Brexit — это реальность. Началась паническая распродажа.

— Фунт катится в пропасть, — Раджа схватился за голову.

За считанные минуты курс валюты упал с 1,50 до 1,37, а затем и ниже. Потери за день достигли 7—10% — это самое сильное однодневное падение за последние десятилетия. Инвесторы вкладывались в защитные активы, банки и хедж-фонды закрывали позиции.

— Позиция банка полностью на виду. Продаем и минимизируем потери LCB, — предложила Камилла. Паника читалась в каждом ее движении.

Антонио молчал. Он стоял, глядя на экраны. Мэй мгновенно уловила его настроение. Два сосредоточенных на работе человека понимали друг друга без слов.

— Ждем!

Эмиль быстро набрал сообщение Председателю совета директоров: «Антонио поставил все на фунт. Он труп».

«Фунт начал день с отметки 1,48. Многие только что потеряли деньги. Уолл-стрит упала на 600 пунктов. Британия в шоке: фунт активно распродают. Такого не было с 1985 года», — возбужденно комментировал диктор.

— Мэй, что скажешь? — спросил Антонио.

— Фунт рухнет. Тогда покупаем.

— Покупаем?! Мы сейчас теряем деньги! Банки, хедж-

фонды — все продают! — не выдержала Камилла.

— Антонио, весь пол в крови, — добавил Раджа.

Фунт продолжал падать: 1,35... 1,33... 1,32. Минус 70 миллионов. Ещё 20. Потом 30. В первые дни после референдума национальная валюта обесценилась почти на 11% по отношению к доллару. Это было не просто движение рынка — это был шок, вызванный неожиданным политическим решением и мгновенной переоценкой будущего Великобритании. Курс замер на отметке 1,32. Мэй посмотрела на Антонио. Пауза. Кивок. Затем короткий, твердый приказ:

— Покупаем!

— 1,34, — почти сразу раздалось из зала.

Шум мгновенно усилился — контролируемый хаос.

— Сколько? — спросил Антонио, не повышая голоса.

— Триста миллионов фунтов. Этого хватит, чтобы покрыть убытки и выйти в плюс, — ответила Мэй.

Телефоны ожили.

— Скупай.

— Берём всё.

— Без остановки.

— Антонио, ты понимаешь, что делаешь? — вмешался Эмиль.

— Восстанавливаю позиции!

— Вы превысили все лимиты. Это безумие!

— Эмиль, не лезь, — жёстко сказал Антонио.

— Как скажешь, Джереми этого не потерпит.

— Тогда звони ему. Мы закончим раньше, чем он возьмёт трубку.

— 1,33, — выкрикнул Конор.

— Уже 1,35, — поправила Камилла.

— 1,36. Выходим? — спросил Раджа.

— 1,37. Пока нет. Ждём, — Антонио оставался спокоен.

— 1,38, — донеслось с другого конца зала.

— Спокойно, — сказала Мэй, глядя на Камиллу.

— Выходите, пока не поздно! — сорвался Эмиль. — Вы сумасшедшие!

Антонио посмотрел на него так, что дальнейшие слова стали излишними.

— 1,39.

Пауза.

— Выходим. Быстро. Продаём, продаём! — скомандовал Антонио.

Цифры на экранах вспыхивали одна за другой: +260 млн, +50 млн, +25 млн, +5 млн, +40 млн, +10 млн. Итоговая строка замерла: +867 миллионов. В зале — буря эмоций.

— Ничего себе... Мы не просто отыгрались, мы в плюсе, — выдохнула Камилла.

— Как в старые добрые времена, — ухмыльнулся Конор.

— Пираты вернулись и порвали всех в клочья.

Раджа сидел, виновато уставившись в пол. Антонио подошел, положил руки ему на плечи и тихо сказал:

— Завтра утром ко мне в кабинет.

Эмиль вплотную подошёл к Антонио.

— Ты безрассудно пошёл на риск, не получив разрешения. Это было опасно.

— Я не дал нам потерять сотни миллионов. И да, Эмиль, генеральный директор здесь я, а не ты!

— На каждый заработанный миллион должно приходиться два сверху. Правду не спрячешь.

Эмиль развернулся и направился в свой кабинет.

— Он опять тебя достаёт? — спросила Мэй, глядя ему вслед.

— Маленькая опухоль в здоровом организме, — спокойно ответил Антонио.

— Ты хотел сказать — заноза в заднице.

Антонио усмехнулся.

— Он глаза и уши Джонса. Шестерка, и с этим ничего не поделаешь.

Мэй оглядела зал, все еще гудящий от адреналина.

— Мы ошиблись, но всё равно вышли победителями, стоит за это выпить.

Антонио кивнул. Она посмотрела на него тем самым взглядом, о котором мечтает любой мужчина. Он ответил молчаливым кивком, словно соглашаясь с чем-то невидимым, повисшим между ними. Это была редкая связь, не требующая слов: сейчас слова могли бы разрушить хрупкую магию момента. Она задержала взгляд чуть дольше, чем было принято, позволяя глазам сказать то, что невозможно выра-

зить словами. В ее взгляде читалось все: нежность, восхищение и что-то более глубокое, ускользающее от понимания, но такое желанное. Они стояли рядом, и весь остальной мир словно отступил, оставив их наедине с этим кратким, но бесконечным мгновением молчаливого взаимопонимания. Антонио протянул руку — осторожно, без резких движений, словно боялся спугнуть что-то хрупкое и важное. Она легко вложила свою ладонь в его. В этот миг слова стали лишними. Молчание стало их союзником. Мэй пригласила его на ужин в один из самых изысканных ресторанов города, спрятанный среди узких улочек старинного квартала.

Джей Морган почувствовал, как напряжение в офисе смешивается с запахом свежей краски и едва распакованной мебели. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь жужжанием новой техники. Он сжал в ладони холодную трубку телефона и, глядя в окно, ощутил, что Лондон кажется таким же далеким, как и человек на другом конце провода. Британцы сделали свой ход, и это стало неожиданностью для противника — их козырь, возможность действовать на опережение. Морган понимал, что начинается новый этап, и чувствовал уверенность, которой был пронизан голос в трубке: глубокий, спокойный, полный осторожного удовлетворения. Ход сделан, и последствия уже начали проявляться — невидимые, но ощутимые в каждом сантиметре пространства вокруг него. Джей кивнул, хотя собеседник не мог этого ви-

деть. Внутри переплелись облегчение и напряжение. Это был лишь один из множества ходов в сложной игре, развернувшейся на международной арене. Все готовились к этому моменту, но когда он настал, реальность все равно ударила своей тяжестью. Морган положил трубку и на мгновение задержал взгляд на экранах, где мелькали цифры, графики и новости. Он знал: теперь все изменится. И хотя они по-прежнему оставались в тени, совсем скоро их шаги станут заметны всему миру. Премьер-министр Кэмерон направлялся в Букингемский дворец на встречу с королевой Елизаветой — обсудить будущее страны. Впереди Великобританию и Европейский союз ждали долгие, изнуряющие переговоры о «цивилизованном разводе». На кону стояли сотни миллиардов долларов. Тысячи законов, которые предстояло переписать.

— Какой приятный сюрприз, Алекс.

Алекс Смит ухмыльнулся.

— Неплохо ты устроился.

— Стараюсь, — спокойно ответил Морган, — но вид из окна в Нью-Йорке мне привычнее.

— Можно налить себе чаю? — Алекс подошёл к столу.

— Конечно. Чувствуй себя как дома.

Алекс взял чашку, сделал глоток и, облокотившись на край стола, прищурился.

— Ты, как всегда, предпочитаешь держать все в себе, Джей. Тебя никогда не было легко понять.

Морган откинулся на спинку кресла. Внешне расслаблен-

ный, почти ленивый. Внутри — собранный, как сжатая пружина.

— Ходят слухи, что ты собираешься схлестнуться с Китаем.

— Эти слухи не так уж безумны, — ответил Морган, не сводя глаз с собеседника. — Разве не этим мы всегда занимались? Мы управляем слухами, идеями, возможностями. Иногда к ним стоит относиться серьезно.

— Значит, ты все-таки сошел с ума? — Алекс поставил чашку на стол и слегка наклонился вперед. Его голос стал тише, мягче — и опаснее.

— Мы на войне, — сказал Джей Морган.

Алекс приподнял бровь.

— Я ценю твою аналитику, Джей. Так скажи мне честно: кто за тобой стоит? Даже ты не провернул бы такое в одиночку. Кто твои союзники?

— Тринадцатый этаж прислал тебя, чтобы я встал на их сторону?

— Ты и так один из нас. Просто идёшь чуть не в ногу со всеми. Так кто же поддерживает эту затею?

Морган медленно поднялся.

— Присоединяйся ко мне и всё узнаешь!

— Исключено. Я всё равно узнаю. Но помни: на войне нет места ошибкам. Особенно на войне такого масштаба.

Они молча смотрели друг на друга, словно два шахматиста перед решающим ходом.

— Ты прав, — наконец произнёс Морган. — Ошибок быть не должно. Но если ты думаешь, что сможешь меня остановить, то недооцениваешь, как далеко я готов зайти.

Алекс поджал губы, но не отвел взгляд.

— Можешь прятать карты, но я всегда найду способ заглянуть под стол. Ставки сейчас высоки как никогда. И если ты продолжишь в том же духе, будь готов к последствиям. Эта война — не за ресурсы. Она за идеи. За будущее.

Алекс поднялся. Разговор был окончен. Морган не пытался его остановить — лишь молча наблюдал, как за ним закрывается дверь кабинета. Когда шаги в коридоре окончательно стихли, он позволил себе едва заметную улыбку. Война началась. И козырей у него было гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить.

Тихая музыка едва наполняла пространство. Мягкий свет подвесных светильников ложился на белые скатерти, отражался в бокалах с красным вином и таял в полумраке зала. Антонио пришел раньше — привычка, выработанная годами. Он сидел, слегка откинувшись в кресле, и внимательно наблюдал за залом, словно все еще находился на деловой встрече. Когда входная дверь ресторана открылась, он сразу заметил Мэй. На ней было тёмно-бордовое шёлковое платье — сдержанное, без излишеств. Их взгляды встретились, и в этот момент не было ни спешки, ни неловкости.

— Антонио, — сказала она, подходя ближе и легко каса-

ьясь его плеча. — Спасибо, что пришёл.

Он встал, кивнул и отодвинул для неё стул — почти машинально, но внимательно.

— Ты прекрасно выглядишь, Мэй. И да, признаюсь, твоё приглашение меня удивило.

— Иногда полезно что-то менять, — спокойно ответила она. — Сегодня был долгий день. Я подумала, что нам стоит позволить себе отпраздновать.

Он усмехнулся — не иронично, а скорее одобрительно.

— Хороший отдых сейчас в дефиците.

Разговор начался легко: вино, еда, короткие реплики, воспоминания — ничего лишнего. Но за внешней непринужденностью чувствовалось напряжение: оба знали, что встреча — это не только ужин. Когда официант ушел, Мэй поставила бокал и посмотрела на Антонио иначе — без улыбки.

— Я пригласила тебя не только ради компании, — сказала она. — У меня есть предложение. И оно касается не одного проекта. Я хочу, чтобы мы работали вместе. По-настоящему. Не как временные партнёры, а как люди, которые нацелены на долгосрочное сотрудничество.

Антонио внимательно изучал ее лицо — не в поисках флирта, а в поисках смысла.

— Ты говоришь о союзе, который выходит за рамки привычного?

— Да, — коротко ответила она. — Если тебя это не пугает. Он сделал глоток вина и немного помолчал.

— Даже ужин ты превратила в переговоры, — заметил он с лёгкой усмешкой. — Но я ценю честность. И, если говорить прямо, твоё предложение меня заинтересовало. Просто ты должна понимать: у таких решений всегда есть цена.

— Я это понимаю, — сказала Мэй. — Именно поэтому я с тобой разговариваю.

По мере того как ужин подходил к концу, атмосфера между ними становилась все более интимной. Разговоры полупрошепотом, случайные прикосновения, которые задерживались чуть дольше, чем следовало, взгляды, полные скрытого смысла, — все это наполняло пространство между ними. Оба чувствовали, что нарастающее напряжение перестает быть игрой и превращается в нечто, что невозможно игнорировать. Антонио посмотрел на Мэй и наклонился к ней. В его глазах вспыхнуло знакомое ей тепло.

— Мэй, — тихо, почти на выдохе, произнес он. Его голос звучал ниже обычного. — Давай продолжим вечер в другом месте.

Она ответила едва заметной, но чувственной улыбкой, медленно проведя пальцами по краю бокала. Антонио встал и подошёл к ней. Помогая ей подняться, он коснулся её талии — коротко, почти случайно, но этого было достаточно, чтобы она ощутила тепло его прикосновения. Ночная улица встретила их прохладой и тишиной. Почти не говоря ни слова, они сели в такси. Дорога до отеля прошла в молчании, наполненном предвкушением. Сердце Мэй билось ча-

ще, подстраиваясь под ровный ритм движения. Антонио не отпускал ее руку — с нежностью, в которой чувствовалась сила. В номере, освещенном приглушенным светом настольной лампы, расстояние между ними сократилось до минимума. Антонио закрыл за собой дверь, шагнул к Мэй и легко коснулся её подбородка. Между ними больше не было сдержанности. В их взглядах не осталось ничего, кроме желания.

— Я хотел тебя с того самого момента, как мы встретились, — прошептал он, касаясь губами её губ.

Мэй обвила его шею руками, притягивая к себе. Их губы слились в поцелуе — глубоком, жадном, словно все сдерживаемые долгие месяцы чувства разом вырвались наружу. Его руки скользили по ее спине — настойчиво, но бережно, изучая каждый изгиб, и она чувствовала, как в нем нарастает напряжение, горячее и неукротимое. Она прижималась к нему, отвечая на каждое движение с той же страстью, позволяя чувствам взять верх. Он медленно стянул с нее платье, покрывая поцелуями кожу, открытую для его прикосновений, и с каждым мгновением между ними разгоралось все большее желание. Их тела говорили на языке, не требующем слов, искреннем и безошибочном. Не размыкая объятий, они направились к кровати. Оказавшись на ней, Антонио накрыл Мэй своим телом, и она ощутила его силу, желание, близость. Он целовал ее шею, плечи, грудь, заставляя дрожать от наслаждения и предвкушения. В ответ Мэй ласкала его спину и грудь, ее руки уверенно скользили по

коже, запоминая каждую линию, каждый напряженный мускул. Их тела сплетались, теряя границы, становясь единым целым. Каждое движение, каждый вздох были продиктованы взаимным притяжением и глубокой, всепоглощающей чувственностью.

Когда страсть наконец утихла, комнату наполнила густая, почти осязаемая тишина. Сквозь приоткрытые шторы пробивался тонкий луч света, мягко очерчивая их лица. Мэй прижалась к Антонио, чувствуя, как его дыхание постепенно становится ровным и спокойным. Он обнял ее за плечи и медленно, словно не желая нарушать момент, провел рукой по ее волосам.

— Что дальше? Мы оба понимаем: наш мир не прощает импульсивности. Даже такие мгновения могут иметь последствия.

Антонио нахмурился, но почти сразу смягчился.

— Не будем торопиться, — спокойно сказал он. — Дадим себе время разобраться в чувствах. Но одно я знаю точно: я не хочу тебя терять.

Мэй закрыла глаза, позволяя его словам проникнуть глубоко в душу.

— Нам придется быть осторожными. — Антонио крепче прижал ее к себе.

Они замолчали, наслаждаясь тишиной и той хрупкой, но настоящей близостью, которая только что возникла между ними.

Глава V

СРЕДНИЙ КЛАСС

В самом сердце Англии, среди холмов и перелесков, где утренний туман окутывает ветви старых дубов, раскинулся Нортгемптоншир — земля, известная как «Роза графств». Главный город графства, Нортгемптон, словно живая летопись прошлого: узкие улочки, вымощенные холодным камнем, помнят шаги рыцарей, а старинные фасады шепчут о забытых сражениях и великой любви. Здесь, среди холмов и лесных массивов, витает дух Англии — стойкий, сдержанный и благородный. Население Нортгемптоншира превышает 700 тысяч человек. Эти люди трудолюбивы и верны традициям: они чтят прошлое и с надеждой смотрят в будущее. Графство управляется Советом Нортгемптоншира и семьей окружными советами, не относящимися к столице, — сложная, но устойчивая система, отражающая приверженность англичан порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.